

Теория относительности



Костарева Анна

18+

Анна Костарева

Теория относительности

<https://litres.ru/74165683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она - физик, чью теорию о параллельных реальностях украл собственный муж. Он - преподаватель истории, который случайно сел за её столик в столовой. Они не должны были встретиться. Но вселенная решила иначе.

Аня умеет переключаться между мирами, как радиоволны между частотами. В одной реальности она ,признанный профессор, в другой ,нищая уборщица, в третьей ,роскошная игрушка своего бывшего. Но нигде она не чувствует себя собой. Пока однажды её сознание не застревает между слоями ,и она встречает Илью. Единственного, кто видит её настоящую.

Илья не знает о параллельных вселенных. Он знает главное: как заставить её улыбаться. Их любовь становится якорем, способным удержать её в одном мире. Но сможет ли она отказаться от бесконечности ради одного человека?

«Теория относительности» - это роман о любви, которая не подчиняется законам физики. О выборе, который меняет всё. И о том, что счастье - не в поиске других миров, а в умении остаться в своем.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	42
Глава 6	48
Глава 7	53
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анна Костарева

Теория относительности

Глава 1

Если вы считаете, что квантовая запутанность — это сложно, попробуйте объяснить женщине, почему вы опоздали на ужин. Стивен Хокинг этого не делал, и я его понимаю.

Анна Петрова стояла у белой маркерной доски, исписанной формулами до самого края. В аудитории было душно — кондиционеры в старом корпусе Физико-технического института имени Иоффе работали по принципу «или вы, или мы». Сегодня они выбрали «мы». Стеклопанные панели окон отражали серое петербургское небо, и казалось, что вся комната парит в облаках. — Итак, коллеги, — Аня обвела взглядом зал. Пятнадцать человек. Профессора с многолетними бородами, аспиранты с вечными тёмными кругами под глазами, несколько журналистов из научных изданий, которые пришли только потому, что их начальник сказал: «Эта Петрова или гений, или сумасшедшая. И то, и другое — хороший заголовок». — Мы привыкли считать, что наша вселенная — это единственная песчинка на бесконечном пляже.

Но что, если каждая песчинка — это полноценный мир, который дышит, живёт и... чувствует? В заднем ряду кто-то хмыкнул. Аня узнала этот звук. Она знала его три года, восемь месяцев и двенадцать дней. Именно столько длился её брак с профессором Андреем Вороновым, и именно столько она слышала это снисходительное «хмык» каждый раз, когда пыталась говорить о чём-то, выходящем за рамки его учебников. — Анна Сергеевна, — подал голос Андрей. Он сидел в первом ряду, положив ногу на ногу, в своём идеально выглаженном костюме от Brioni, который стоил как трёхмесячная зарплата Ани. Его тёмные волосы были аккуратно зачёсаны назад, а на лице застыла маска отеческого терпения. — Вы хотите сказать, что сознание способно существовать в параллельных слоях реальности без физического носителя? Это пахнет... как бы это помягче... эзотерикой. — Я хочу сказать, — Аня медленно, с расстановкой, стёрла часть формулы и написала новую — ряд чисел, которые заставили двух профессоров в третьем ряду привстать со своих мест, — что сознание — это не продукт мозга. Сознание — это волна. А мозг — всего лишь приёмник. Как телевизор, который ловит сигнал. Если антенна сломается, сигнал не исчезнет. Он просто найдёт другой приёмник. — Блестящая метафора для научно-популярной передачи на канале «Культура», — Андрей улыбнулся той своей улыбкой, от которой у Ани всегда холодело внутри. Улыбкой, которая говорила: «Я тебя люблю, но ты такая смешная, когда пытаешь-

ся быть умной». — Но где экспериментальные данные? — А где были экспериментальные данные у Эйнштейна, когда он придумал теорию относительности? — парировала Аня. Она чувствовала, как в груди разгорается знакомое пламя. Пламя, которое когда-то привлекло её к Андрею — он тоже умел спорить. Но теперь это пламя сжигало их брак. — Он сидел в патентном бюро и смотрел на часы. У него были только мысли, Андрей. И гениальность. Зал засмеялся. Негромко, но тепло. Аня всегда умела расположить к себе аудиторию, даже когда несла полную, с точки зрения консервативной науки, ересь. — Я предлагаю вашему вниманию математическую модель, — она щёлкнула пультом, и на экране за спиной появилась сложная трёхмерная диаграмма. — «Когерентность сознания в многомерных пространствах». Сокращённо — КССМП. Я провела расчёты в течение трёх лет. Они показывают, что при определённых условиях, а именно — при эмоциональном резонансе, сознание может переключаться между параллельными реальностями как радиоволна между частотами. — При эмоциональном резонансе? — переспросила молодая аспирантка с первой парты. Её звали Лена, она была умной, дерзкой и тайно влюблена в Андрея. Аня это знала, но прощала, потому что Лена была талантлива. — Вы имеете в виду... чувства? — Именно, Леночка. — Аня подмигнула. — Любовь. Страх. Отчаяние. Гнев. Когда эти волны достигают критической амплитуды, они искажают пространство-время. Не физически, — она подняла па-

лец, предвосхищая возражения, — а на уровне восприятия. Сознание начинает видеть другие слои. Мы все это чувствовали. Дежавю. Ощущение, что вы уже были в этом месте. Или, — она перевела взгляд на Андрея, и в глазах её блеснула сталь, — чувство, что вы живёте не свою жизнь. Андрей побледнел. Всего на секунду, но Аня заметила. Она всегда замечала. — Это красивая поэзия, Анна, — сказал он, вставая. Пиджак его сидел идеально, как всегда. — Но я, как заведующий кафедрой, не могу рекомендовать эту работу для публикации в серьёзном журнале без веских доказательств. — Ты не можешь рекомендовать, — тихо сказала Аня, и в голосе её прозвучала такая боль, что несколько аспирантов отвели глаза. — Потому что ты всё ещё злишься, что я не перешла на твою кафедру, когда мы поженились. Ты хотел, чтобы я была твоей тенью, Андрей. А я хочу быть солнцем. Зал замер. Научные конференции не предполагают семейных драм. Но Ане было всё равно. Три года она молчала. Три года она позволяла ему называть её идеи «милыми женскими фантазиями». Три года она каждое утро смотрела в зеркало и не узнавала себя — так сильно она старалась быть удобной. — Давайте не будем переходить на личности, — холодно произнёс Андрей. Он повернулся к аудитории, и его голос вновь стал бархатным, каким он разговаривал с деканами и спонсорами. — Уважаемые коллеги! Через неделю я представлю вашему вниманию собственную работу по теме «Многомерные корреляции квантовых состояний». И по-

верьте, там будут не только эмоции, но и цифры. Он сел, давая понять, что дискуссия окончена. Аня почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Она смотрела на формулу на доске. Формулу, которую она выводила ночами, когда Андрей спал рядом и даже во сне улыбался — снисходительно. Формулу, которая была её ребёнком. Её трёхлетним ребёнком, от которого она не могла отказаться. — Хорошо, — сказала она. И голос её звучал ровно, слишком ровно. — Я принимаю вызов. Через неделю увидимся. Она собрала свои бумаги. Схватила рюкзак, старый, потёртый, с нашивкой NASA — подарок от отца, который был инженером на Байконуре. Он умер, когда Ане было двадцать, и она так и не сказала ему, что пошла в физику только ради него. Ради того, чтобы быть достойной. Выйдя из аудитории, она почти бегом спустилась по лестнице. Миновала вестибюль, где стоял бюст Ломоносова с вечной улыбкой, и вылетела на улицу. Питерский ветер ударил в лицо — холодный, влажный, настоящий. Ей хотелось плакать. Но слёзы не шли. Она достала телефон. На экране высветилось уведомление: «Напоминание: сегодня ужин с Андреем в Купечестве в 20:00. Надень то красное платье, которое он любит». — Чёрт с тобой, — сказала Аня и убрала телефон в карман джинсов. Красное платье можно было выбросить. Вместе с этим браком. Но вместо этого она пошла в бар. --- Бар «Точка сингулярности» находился в подвале старого дома на Невском. Его владельцем был Миша — бывший физик, который бросил науку ради того,

чтобы делать лучшие коктейли в городе. Его мохито называли «Квантовым скачком», а «Кровавую Мэри» — «Коллапсом волновой функции». — Аня! — Миша уже наливал ей двойной виски, как только она переступила порог. Он не спрашивал, что случилось. Он всегда знал. — Он опять называл твою теорию «эзотерикой»? — Ага, — Аня взяла стакан и залпом выпила половину. Жидкость обожгла горло, и это было приятно. Настоящая боль заглушала душевную. — И сказал, что через неделю представит свою работу. С догадайся, какую тему? — Он сволочь, — просто сказал Миша. Он вытер руки о передник и сел напротив неё. Бармен не должен сидеть с клиентами, но Миша был исключением. Он был её единственным настоящим другом. — У тебя есть доказательства? — Только три года унижений, — Аня усмехнулась. — И дневники с расчётами. Они у меня дома. Но он имеет доступ к моему компьютеру. Мы же женаты, — она сказала это с такой горечью, что Миша поморщился. — Разводись. — Легко сказать. Я его люблю, — Аня закатила глаза. — Это глупо, да? Любить человека, который каждый день доказывает тебе, что ты ничего не стоишь. Вот что такое настоящая квантовая запутанность. Ты привязан к частице, которая излучает только негатив, но ты не можешь разорвать связь, потому что она твоя. — Слушай, — Миша наклонился вперёд. Его глаза, карие, тёплые, смотрели серьёзно. — Я знаю тебя десять лет. Ты гениальный физик. Ты умнее его в сто раз, но ты постоянно боишься сделать шаг. А что, если

просто... перестать бояться? Что, если просто переключиться? — Переключиться? — Аня подняла бровь. — Это как? Бросить всё и уехать в деревню разводить кур? — Нет. Переключить сознание, — Миша улыбнулся, и в этой улыбке было что-то загадочное. — Ты говорила об этом сегодня. Эмоциональный резонанс. Что, если ты просто скажешь себе: «Я — не та Аня, которая живёт с этим мудаком. Я — та Аня, которая написала гениальную теорию и никому не даст её украсть». Аня задумалась. Виски тёплой волной разливался по телу. Она посмотрела на левую руку, где на безымянном пальце блестело обручальное кольцо — простое, без камней. Андрей сказал, когда дарил его: «Чтобы ничего не отвлекало от главного — от нас». Сейчас она поняла, что он имел в виду: «Чтобы ничего не отвлекало от меня». — Знаешь, Миш, — она сняла кольцо и покрутила его в пальцах. Оно тускло блеснуло в свете ламп, имитирующих свечи. — А что, если я это сделаю? — Что именно? — Переключусь, — Аня улыбнулась. Улыбка вышла кривой, пьяной. — Вот сейчас возьму и переключусь на ту Аню, которая живёт в мире, где её теорию не украли. Где она — признанный гений. Где Андрей не сволочь, а любящий муж. Или, — она засмеялась, — где его вообще нет, и никто не говорит мне, что я «милая». Она сильнее сжала кольцо в кулаке. Внезапно воздух вокруг неё изменился. Запах. Свет. Звуки. Сначала Аня подумала, что это алкоголь или усталость. Но нет. Она отчётливо почувствовала, как мир дрогнул. Как будто кто-то взял реаль-

ность за края и слегка встряхнул, как одеяло. Цвета стали ярче, но одновременно холоднее. Музыка в баре превратилась из джаза в какую-то странную электронику, и голос певицы звучал на октаву выше. — Аня? — Миша смотрел на неё с беспокойством. — Ты как? — Я... — она попыталась ответить, но слова застряли в горле. Она видела Мишу. Он был здесь. Но не такой. На нём был не его привычный джинсовый фартук, а строгий пиджак. И глаза его были другого цвета — серые, не карие. — Аня? — повторил он, и голос его звучал глубже. — С тобой всё в порядке? — Я... — она открыла рот, чтобы сказать «мне плохо», но вместо этого её тело обмякло. Она упала в темноту, но перед этим успела заметить, как часы на стене, которые всегда показывали 22:22 (Миша считал это магическим числом), вдруг остановились на 11:11. И всё потемнело. Она пришла в себя оттого, что кто-то гладил её по волосам. — Аннушка, очнись, — голос был тёплым, заботливым, и в нём звучала такая глубокая нежность, какой Аня не слышала ни разу за три года брака. — Ты ударилась головой, когда выходила из аудитории. Испугала меня до полусмерти. Она открыла глаза. Потолок был белым. Идеально белым. Ни трещин, ни пятен. И пахло здесь не дешёвым барным освежителем с химическим ароматом ванили, а настоящим кофе — свежим, дорогим, таким, который она не могла себе позволить. И рядом с ней сидел Он. Андрей. Но не тот Андрей, который читал нотации в аудитории. Этот Андрей был мягче. Он был без пиджака,

в простой белой рубашке с расстёгнутым воротом, и на его лице была улыбка — искренняя, тревожная, живая. — Как ты себя чувствуешь? — спросил он. Его рука всё ещё лежала на её волосах, и прикосновение было таким невесомым, таким родным, что Ане захотелось разрыдаться. — Где я? — спросила она хрипло. — В институте, милая, — Андрей нахмурился. — Ты что, память потеряла? Ты сегодня защищала свою диссертацию. Совместную. Нашу. Помнишь? Аня села на кровати. Она не узнавала эту комнату. Это была не её квартира с вечными сквозняками и старой кухней, где постоянно капал кран. Здесь были панорамные окна, которые выходили на набережную Невы. На стенах висели дипломы в дорогих рамках. И на столе стояла фотография — она и Андрей, оба в белых халатах, счастливые, смеющиеся, у коллайдера в ЦЕРНе. — Совместную диссертацию? — переспросила она. Голос её дрожал. — Ну да, — Андрей засмеялся, и смех его был звонким, свободным. — Ты моя соавторша, помнишь? Теория когерентности сознания. Это же наш общий ребёнок. Ты придумала формулу, я — доказательную базу. Мы гениальная команда. Аня медленно повернула голову к стене, где висело зеркало в золотой раме. Она встала, шатаясь, подошла к нему. Из зеркала на неё смотрела женщина. Красивая, ухоженная, с идеальным маникюром и волосами, уложенными в стильную причёску. На ней был дорогой шёлковый халат. И на безымянном пальце сияло кольцо — с бриллиантом, размером с горошину. — Я... — она

дотронулась до своего лица. И почувствовала, что по щекам текут слёзы. — Я не понимаю. — Анна, — Андрей встал и подошёл к ней сзади. Обнял. Прижался щекой к её макушке. — Ты просто устала. Это было тяжёлое выступление. Два часа вопросов, и ты на все ответила блестяще. А потом упала в обморок. Давай я принесу тебе чаю? — Чай... — Аня смотрела на своё отражение в зеркале. В этом отражении она была счастлива. Но почему-то внутри неё всё кричало: «Это неправда. Это не ты. Ты — та Аня, которая пила виски в баре. Ты — та, которую бросили. Ты — та, чью идею хотят украсть». Но голос внутри звучал всё тише. Потому что объятия Андрея были такими тёплыми. Потому что он гладил её по руке и шептал: «Я так тебя люблю, моя гениальная девочка». Потому что она чувствовала себя нужной. — Я хочу кофе, — прошептала Аня. — И ... скажи мне, где я? Какой сегодня день? — Двадцать второе мая, — Андрей поцеловал её в висок. — День, когда мы с тобой стали профессорами, Анна. День, когда мы стали теми, кем должны были стать. Аня закрыла глаза. Она не понимала, спит она или это сон. Она не знала, что произошло в баре. Но она знала одно: в этой реальности она больше не неудачница. В этой реальности её любят. И это было так сладко, что она решила пока не просыпаться. — Хорошо, — сказала она, поворачиваясь к Андрею и заглядывая в его глаза. — Я хочу посмотреть нашу диссертацию. Где она? Андрей улыбнулся, но в этой улыбке мелькнуло что-то странное. Что-то, отчего у Ани по спине

пробежал холодок. — Она на моём компьютере, — сказал он, и голос его на мгновение стал чуть чужим. — Я сохраню её. Как всегда. «Как всегда». Слова эхом отозвались в голове. Аня отвернулась от зеркала и посмотрела в окно. На Неве стояли белые ночи — петербургское чудо, которое она так любила. Свет был мягким, почти сказочным. И в этом свете она увидела своё отражение ещё раз. Но на секунду — всего на секунду! — оно изменилось. Там была другая Аня. Та, которая пахнет виски и одиночеством. Та, которая крутит в пальцах простое обручальное кольцо и шепчет: «Я не сдамся». Но видение исчезло. Аня взяла чашку кофе из рук Андрея, сделала глоток и зажмурилась от удовольствия. Настоящий. Итальянский. Тот, который она мечтала пить каждое утро. — Я люблю тебя, — сказала она. И в этот момент она почти поверила в это.

Глава 2

— В параллельной вселенной я уверена, что разобралась в своей жизни. К сожалению, я не в той вселенной.

На следующее утро.

— Ты сегодня странная, — Андрей сидел напротив неё за огромным столом из тёмного дерева, заставленным тарелками с завтраком.

Аня смотрела на еду и не узнавала половину блюд. Изящные круассаны, фруктовая нарезка, которую она никогда не покупала, потому что это было слишком дорого, и омлет с чем-то зелёным, пахнущим трюфелем. Трюфель! Где она, и где трюфель?

— Странная? — переспросила она. Она оглядывала квартиру, которая, как ей казалось, принадлежала совершенно другому человеку. — Нет, я... просто плохо спала.

— Так я и думал, — Андрей улыбнулся и потянулся к её руке. Его пальцы были прохладными, уверенными, и Аня вздрогнула, когда он их сжал. — У нас сегодня встреча с издателями. Им нужна окончательная версия нашей книги. «Когерентность: новая парадигма сознания». Как тебе название?

— Книга? — Аня чуть не поперхнулась соком. — Мы пи-

шем книгу?

— Анна, — Андрей нахмурился, и в этом жесте мелькнула тень того самого Андрея, которого она знала. Того, который смотрел на неё сверху вниз. — Мы пишем её уже полгода. Ты что, правда ничего не помнишь? Может, тебе к врачу?

— Нет! — слишком резко ответила она. — Нет. Я просто... Перенервничала вчера немного. И голова болит. Я всё помню, — она улыбнулась. — Я просто хочу ещё раз посмотреть рукопись. У меня такое чувство, что я что-то упустила.

Андрей смотрел на неё секунду. Две. Его глаза — красивые, тёмные, с длинными ресницами — изучали её лицо. Аня чувствовала, как внутри нарастает паника. Он видит. Он знает, что я не та Аня. Что я — самозванка в этом прекрасном мире.

Но он вдруг расслабился и улыбнулся той улыбкой, которая так контрастировала с его прежней холодной маской.

— Хорошо, — сказал он. — Я принесу ноутбук. Только доешь, ладно? Тебе нужны силы. Вечером мы идём на банкет в честь нашей победы. Будут профессора из Оксфорда. Они хотят с тобой познакомиться.

— Со мной? — Аня уставилась на него. — Они хотят познакомиться... со мной?

— Ну конечно, — Андрей засмеялся. В этом смехе было столько гордости, что у Ани защипало в глазах. — Ты же гений, Анна. Ты — та, которая сломала старую парадигму. Ты — моя жена, моя муза и мой соавтор. Кто же не захочет

с тобой познакомиться?

Он встал, подошёл к ней, наклонился и поцеловал в лоб. Губы его были сухими, тёплыми. Аня прикрыла глаза, вдыхая его запах. Он пах другим парфюмом. Не тем резким, дорогим одеколоном, который он всегда использовал, а чем-то мягким, древесным, с ноткой корицы.

— Ты перестал пользоваться тем парфюмом, что я тебе дарила? — спросила она, когда он отошёл.

— Каким парфюмом? — он обернулся, удивлённо подняв бровь. — Я всегда пользуюсь этим. Tom Ford. Мы купили его вместе в Париже. Ты что, забыла наш медовый месяц?

Аня замерла.

Париж. Медовый месяц. Она никогда не была в Париже. В той жизни, которую она помнила, у них не было даже приличного отпуска — только командировка в Новосибирск, где они спали в одной комнате общежития, потому что на гостиницу денег не хватило.

— Забыла, — выдавила она. — Я просто... устала.

— Бедная моя, — Андрей покачал головой. — Ладно, сиди, я принесу ноутбук. А ты пока выпей кофе. Он остывает.

Он вышел из комнаты, и Аня осталась одна.

Она вскочила из-за стола, едва не опрокинув чашку, и бросилась к книжному шкафу. Книг было много. Сотни. Дорогие твёрдые переплёты, корешки из кожи, золотые буквы. Аня провела пальцем по корешкам. Физика, философия, биология, мемуары великих учёных.

Она открыла одну книгу — «Квантовая теория поля» Ландау. На титульном листе стояла подпись: «Анне и Андрею — от всей души, с надеждой на великое будущее. Ландау». Подпись была настоящей. Аня знала почерк Ландау — она изучала его в университете.

— Это невозможно, — прошептала она. — Он умер в шестьдесят восьмом.

Она засунула книгу обратно. Пальцы её дрожали. Она подошла к столу и увидела планшет, который лежал на краю. Он был включён, и на экране была фотография — она и Андрей, в горах. Альпы. За их спинами сверкал ледник, а они оба улыбались, обнявшись, счастливые.

Она провела пальцем по экрану, и открылся календарь. Двадцать второе мая. Но год! Год был... тот же. Но всё выглядело так, будто они жили в этом мире вечность.

В дверях слышались шаги.

Аня быстро села обратно, взяла чашку с кофе и сделала вид, что внимательно смотрит в окно.

Андрей вошёл с ноутбуком. Тонким, серебряным, тем самым, о котором она мечтала, но не могла себе позволить.

— Держи, — он поставил его перед ней. — Вся рукопись в папке «Проект 22». Открой, посмотри, если хочешь. Только не переживай, если что-то не так. Мы всегда можем исправить.

Аня открыла ноутбук. Экран засветился, и она увидела файл: «Когерентность сознания. Версия финальная». Она

кликнула по нему, и текст поплыл перед глазами.

Она начала читать.

И с каждой страницей кровь стыла в жилах.

Это была её теория. Слово в слово. Формула за формулой. Те самые расчёты, которые она выводила ночами, когда Андрей спал. Те самые эксперименты, которые она проводила втайне, боясь, что он высмеет её. Всё это было здесь. Каждая деталь. Каждая запятая.

Но текст был оформлен так, будто это была совместная работа.

В начале стояло: «Анна Петрова-Воронова и Андрей Воронов представляют...» Её имя шло первым. Но не в этом было дело.

Аня закрыла ноутбук. Сердце её колотилось где-то в горле.

— Всё в порядке? — спросил Андрей, садясь напротив.

— Да, — Аня сглотнула. — Всё просто... идеально. Ты проделал огромную работу.

— Мы проделали, — поправил он. Его рука легла на её ладонь. Тёплая, сухая, чужая. — Без тебя ничего бы не было, Анна. Ты — мой центр.

Она посмотрела на него. На его лицо, которое было таким знакомым и таким незнакомым одновременно. На его глаза, в которых сейчас не было высокомерия. Только любовь. Настоящая, глубокая, почти болезненная.

«Если это сон, — подумала она, — я не хочу просыпаться.

Но если это реальность... то почему мне так страшно?»

— Андрей, — сказала она тихо. — Скажи мне честно. Мы когда-нибудь... ссорились? Было такое, что ты смотрел на меня и думал, что я тебя не достойна?

Его лицо дрогнуло. Всего на секунду, но Аня увидела это. Тень, которая пробежала по его идеальным чертам.

— Ссорились, — сказал он. — Все ссорятся. Но я никогда не думал, что ты меня недостойна. Это ты... могла думать, что я недостойн тебя.

Она замерла.

— Я?

— Ну да, — он усмехнулся, но усмешка была грустной. — В самом начале, когда мы только встретились. Ты думала, что я — зазнавшийся профессор, который хочет просто использовать твой мозг. Ты боялась, что я украду твои идеи. Помнишь?

Аня вспомнила.

Они встретились на конференции. Она была аспиранткой, он — уже известным учёным. Он подошёл к ней, когда она стояла у стенда с плакатом, и сказал: «Ваша модель интересна, но она неполна. Давайте обсудим это за ужином?». Она ответила: «Я не обсуждаю свои идеи с мужчинами, которые смотрят на меня, как на блюдо». А он рассмеялся и сказал: «Я смотрю на вас как на коллегу. И поверьте, если бы я хотел украсть ваши идеи, я бы не стал предупреждать».

Они тогда проговорили до утра. И она влюбилась. В его

ум, в его остроумие, в его способность видеть в ней равную.

А потом они поженились. И он перестал видеть в ней равную.

— Я помню, — прошептала Аня. — Помню, как ты сказал, что я слишком много думаю и слишком мало чувствую.

— Это я сказал? — Андрей удивился. — Глупость. Ты самая чувствительная из всех, кого я знаю. Ты плачешь над фильмами, ты собираешь бездомных кошек, ты каждую неделю звонишь своей маме в Екатеринбург. Анна, — он наклонился вперёд и взял её лицо в ладони. — Ты — сердце нашего союза. Не голова. Я всегда это знал.

У Ани дрогнули губы.

— А как же формула? — спросила она. — Как же теория? Ты же говорил, что это моя голова придумала всё.

— Придумала, — согласился он. — Но толчок дало твоё сердце. Ты хотела найти способ, чтобы люди могли чувствовать друг друга сквозь любые расстояния. Помнишь? Ты сказала это в тот вечер, когда мы впервые поцеловались. Ты сказала: «Если бы любовь могла передаваться по волнам, мы бы никогда не ссорились».

Аня закрыла глаза.

Она помнила этот вечер. Помнила каждое слово. Помнила, как он смотрел на неё, и как она думала тогда: «Этот человек меня никогда не предаст».

Но предал. В той жизни, которую она помнила, он предал. А в этой... он был идеальным мужем.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал, — сказала она, открывая глаза. — Дай мне доступ к твоей почте. Всей. Я хочу посмотреть переписку с издателями.

Андрей замер.

— Зачем? — спросил он. В голосе появилась стальная нотка. Та самая, которую Аня ненавидела. — Ты мне не доверяешь?

— Доверяю, — Аня улыбнулась той улыбкой, которую она отрепетировала перед зеркалом за три года несчастливого брака. Улыбкой, которая говорила: «Я слабая, я безобидная, я твоя». — Просто хочу убедиться, что мы всё делаем правильно. Я ведь твоя соавторша. Я должна знать всё.

Он смотрел на неё. Долго. Слишком долго.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я пришлю тебе логин и пароль. Но не сейчас, — он встал и взял пиджак, висевший на спинке стула. — Через час у нас встреча с издателями. Собирайся, Анна. Я жду тебя в машине через час.

Он вышел.

Аня осталась одна.

Она взяла чашку с кофе и хотела отпить, но рука дрогнула, и жидкость пролилась на стол. Аня даже не заметила. Она смотрела на ноутбук, который всё ещё был открыт, и на файл с названием «Проект 22».

Она снова открыла его. Пролистала до конца.

И на последней странице, в разделе благодарностей, увидела странную фразу, написанную мелким шрифтом: «Ав-

тор выражает благодарность А.С. Петровой за вдохновение и жертвы. Без неё этот проект был бы невозможен».

Сердце Ани остановилось.

«Жертвы».

Она перечитала. Слово не исчезло. Оно было там. Напечатанное. Чёрным по белому.

Она закрыла ноутбук и посмотрела в окно.

Нева, белые ночи, красивый город. Идеальный муж, идеальная квартира, идеальная жизнь.

Но в этой идеальной жизни было слово «жертвы».

— Что я тебе отдала? — прошептала Аня, глядя на своё отражение в тёмном экране ноутбука. — Что я тебе позволила у себя забрать, Андрей?

Экран не ответил.

Но Аня почувствовала, как в груди снова закипает знакомое пламя. То пламя, которое она чувствовала в баре. То, которое шептало ей: «Ты не та Аня. Ты не должна здесь оставаться».

Она встала, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу.

— Если есть другой мир, — прошептала она, — то покажи мне его. Покажи мне, где я не жертва. Где я — настоящая.

Она закрыла глаза.

И мир вокруг неё снова дрогнул.

Глава 3

— Самое страшное в путешествиях во времени — это не встретить динозавра. Это встретить себя прежнего и понять, что ты ничего не изменил.

Аня открыла глаза.

Вокруг была темнота.

Она лежала на чём-то твёрдом и холодном. Пахло хлоркой, сыростью и ещё чем-то кислым, что она не могла опознать. Она попыталась встать, но голова закружилась, и она снова опустилась на пол.

— Осторожно, — раздался старческий голос. — С непривычки всегда тошнит. Это нормально.

Аня повернула голову. Рядом с ней, на корточках, сидел старик. Очень старый — лет восьмидесяти, с седой копной волос, в засаленном лабораторном халате и с большими очками, которые съехали на кончик носа.

— Где я? — прошептала Аня. Голос её звучал глухо, будто она долго кричала.

— В моей лаборантской, — старик хмыкнул. — Ты упала в обморок в коридоре. Я помог тебе дойти сюда. Ты, кстати, ударила головой о стеллаж. Я перевязал. Не благодари, — он махнул рукой. — Не каждый день в моей камере появляется сам профессор Петрова. Да ещё и в таком виде.

— Профессор Петрова? — Аня приподнялась на локтях.

Она оглядела себя. На ней был тот же рюкзак с нашивкой NASA, та же старая футболка и джинсы. Но руки... её руки были в грязи. И ногти сломаны. — Что со мной произошло?

— Хороший вопрос, — старик встал, кряхтя, и подошёл к столу, заваленному бумагами. Он взял мутный стакан, налил воды и протянул ей. — Я — дядя Витя. Работаю здесь уборщиком и по совместительству — смотрителем за старым осциллографом. Этому аппарату лет сорок, но он всё ещё показывает такие вещи, которые ваши современные компы не видят.

Он кивнул в угол, где стоял громоздкий прибор с зелёным экраном и множеством кнопок.

— Вы... вы знаете меня? — Аня сделала глоток воды. Жидкость была тёплой, с металлическим привкусом. Но это была вода. Настоящая. И она вдруг поняла, как сильно хотела пить.

— Кто ж тебя не знает? — старик усмехнулся. — Ты ведь та самая Петрова, которая написала теорию про «когерентность». И которую высмеяли на всю страну. Твоя диссертация лежит в архиве, покрывается пылью. А ты... ты теперь моешь полы в этом же институте. Вот такая ирония.

Аня замерла.

— Я... я мою полы?

— Ну да, — дядя Витя пожал плечами. — После того, как Воронов опубликовал твою теорию под своим именем, ты подала в суд. Проиграла. Его признали гением, а тебя — су-

машедшей. Тебя уволили. Ты спилась. Потом пришла в себя, устроилась уборщицей. Вот и работаешь. Пятый год уже.

Аня опустила голову.

Она перевела взгляд на свои руки. Да, это были руки уборщицы. Потрескавшаяся кожа, мозоли, грязь под ногтями. Рюкзак, который она помнила, был тем же, но теперь он был старым, потёртым, с дырой на боку.

— А он? — спросила она тихо. — Андрей... он счастлив?

— Андрей Воронов? — старик фыркнул. — Нобелевский лауреат. Владелец трёх институтов. Сидит на всех комитетах. И да, он счастлив. Он — король, а ты — никто.

Аня зажмурилась. Боль была такой острой, что она чуть не закричала.

Но потом она вспомнила ту другую реальность. Ту, где она была профессором. Где она была любима. Где Андрей обнимал её и говорил, что она — его центр.

И она поняла.

Она может выбирать. Она может переключаться.

— Дядя Витя, — сказала она, открывая глаза. Голос её звучал ровно, почти спокойно. — Вы сказали, что осциллограф показывает то, чего не видят другие. Покажите мне.

Старик удивлённо приподнял бровь.

— Зачем тебе?

— Я должна понять, — Аня медленно поднялась на ноги. Ноги дрожали, но она устояла. — Я должна понять, как это работает. И как я могу... выбрать правильную реальность.

Старик смотрел на неё секунду. Две. Потом вдруг широко улыбнулся.

— А ты та самая, — сказал он. — Та, которая не сдаётся. Я знал, что ты такая, ещё когда ты была аспиранткой. Я за тобой наблюдаю. Ты всегда борешься. Даже когда все говорят, что ты проиграла. И не только в жизни, осциллограф тоже наблюдает за тобой.

Он подошёл к осциллографу и включил его. Аппарат загудел, на экране появилась зелёная линия, которая подёргивалась и извивалась.

— Я изучаю колебания волн, — сказал дядя Витя, не оборачиваясь. — И я заметил одну странную вещь. Иногда линия раздваивается. Она показывает два сигнала одновременно. Как будто прибор видит два разных мира, наложенных друг на друга. И я понял, что это ты и твоя работа.

— Как? — Аня подошла ближе. Она смотрела на экран, и сердце её забилось быстрее. — Это возможно?

— С точки зрения официальной науки — Никак! — старик хмыкнул. — Но я старый и мне ничего не страшно. Я провёл сотни экспериментов. И понял одну вещь. Колебания зависят от того, кто их наблюдает. Если человек эмоционально стабилен — линия ровная. Если он в отчаянии, в гневе, в любви... она начинает двоиться.

Аня затаила дыхание.

— И... можно переключиться?

— Если знать частоту, — дядя Витя повернулся к ней. —

Каждая реальность имеет свою волну. Ты можешь настроиться на неё, как на радио. Но есть один нюанс, — он посмотрел на неё проницательно. — Ты не сможешь оставаться там долго. Максимум двадцать четыре часа. Потом ты вернёшься сюда, в свою базовую реальность. И будешь чувствовать всё сильнее. Боль. Отчаяние. Потерю.

Аня смотрела на экран. Зелёная линия дрожала, извивалась, и вдруг — она увидела это. Линия раздвоилась. Два сигнала, идущие параллельно, но немного смещённые друг относительно друга.

— Это они, — прошептала она. — Это разные версии меня. Там — профессор. Здесь — уборщица. А где я настоящая?

— А вот это, — старик усмехнулся, — тебе предстоит выяснить самой. Но одно я могу тебе сказать, Аня. Настоящая ты — это та, которая выбирает. Не та, которая подчиняется. Не та, которая жертвует. А та, которая выбирает.

Он протянул ей старый потёртый блокнот.

— Держи. Я записывал свои наблюдения. Может, пригодится.

Аня взяла блокнот. Он был исписан мелким, почти нечитаемым почерком. Но она разобрала несколько слов: «Частота 11.11», «Эмоциональный якорь», «Кольцо».

— Кольцо? — переспросила она.

— Да, — дядя Витя кивнул на её левую руку. — У тебя ведь есть кольцо. То, которое он тебе подарил, когда вы по-

женились. Это и есть твой якорь. Твоя связь с этой реальностью. Пока ты носишь его, ты привязана к этому миру и ко всем его версиям.

Аня посмотрела на своё кольцо. То самое простое обручальное кольцо, которое она крутила в баре.

— Что будет, если я его сниму?

— Я не знаю, — честно признался дядя Витя. — Может, ты перестанешь переключаться. Может, ты навсегда останешься в том мире, где окажешься в момент снятия. А может, ты просто исчезнешь.

Аня сжала кольцо в кулаке.

Она посмотрела на осциллограф. Линии продолжали танцевать. Одна — высокая, яркая, уверенная. Другая — низкая, дрожащая, почти угасающая.

Она поняла, какая из них — какой мир.

— Я хочу вернуться, — сказала она. — В тот мир, где я профессор. Где он меня любит. Но я хочу понять, что там происходит. Я хочу знать, почему в той реальности он всё ещё контролирует меня. Почему он не даёт мне доступ к почте. Почему он так боится, что я увижу правду.

— Будь осторожна, — предупредил старик. — В каждой реальности есть свой Андрей. И он будет пытаться тебя удержать. Запомни: ты — не его собственность. Ты — гений. Не позволяй никому забирать твою теорию. Ни в одном мире.

Аня кивнула. Она закрыла глаза, сжала кольцо в кулаке и представила себе ту квартиру с панорамными окнами, тот

утренний свет, тот кофе с трюфельным омлетом.

— Я хочу вернуться, — прошептала она. — Но я хочу быть сильной. Я не хочу быть жертвой.

Мир вокруг неё замерцал. Запах хлорки исчез, сменившись ароматом свежего кофе. Твёрдый пол под ногами стал мягким, как ковёр.

Она открыла глаза.

Она стояла в центре той самой роскошной квартиры. Рядом, на стуле, лежало красное платье — то самое, которое он любил. На кровати был разложен вечерний наряд.

И в дверях стоял Андрей.

— Ты готова? — спросил он. — Машина ждёт.

Аня посмотрела на него. На его идеальное лицо, на его дорогой костюм, на его улыбку.

И вдруг она увидела то, чего не видела раньше. В его глазах была не только любовь. В них был страх. Страх, что она увидит его настоящего. Страх, что она сбежит. Страх, что она поймёт, какую цену заплатила за этот идеальный мир.

— Я готова, — сказала Аня. Она улыбнулась, но улыбка была холодной. — Мы поговорим сегодня с издателями, Андрей. Я хочу знать всё о нашем проекте. Каждую деталь. Каждую цифру.

Он побледнел.

Аня заметила это. Но ей было всё равно.

Потому что она вдруг поняла одну вещь: в какой бы реальности она ни оказалась, она всегда может бороться. Она

всегда может вернуть себе право голоса. Она всегда может перестать быть жертвой.

Даже если ей придётся переключить реальность снова. И снова. И снова.

Она сжала кольцо на пальце, но не для того, чтобы остаться. А для того, чтобы помнить.

«Я выбираю себя, — подумала она. — В любом мире».

И мир вокруг неё, впервые за всё время, стал ясным. Чистым. Настоящим.

Глава 4

— Я знаю, что вы все считаете меня сумасшедшей. Но даже сумасшедшие иногда говорят правду. Особенно когда они устали притворяться нормальными.

Аня стояла перед зеркалом в ванной и смотрела на своё отражение.

Красное платье сидело идеально. Оно подчеркивало талию, открывало плечи и делало её похожей на кинозвезду из старых фильмов. Волосы уложены в мягкие волны, макияж — безупречный. Она выглядела как женщина, у которой всё есть.

Но внутри неё всё кричало: «Ты — самозванка».

— Ну как я? — спросила она, оборачиваясь к Андрею, который стоял в дверях.

Он посмотрел на неё с такой гордостью, что Аня на секунду забыла обо всех своих сомнениях. Он подошёл, взял её за руку и поцеловал в запястье — жест, который она всегда находила невероятно романтичным.

— Ты прекрасна, — сказал он. — Как всегда. Все будут смотреть только на тебя.

— А на тебя? — улыбнулась Аня, стараясь, чтобы голос звучал игриво.

— А на меня будут смотреть с завистью, — он усмехнулся. — Потому что я — тот счастливчик, который держит тебя

за руку.

Она засмеялась. Смех вышел чуть натянутым, но Андрей, кажется, не заметил.

Они вышли из квартиры и спустились в подземный паркинг, где их ждал чёрный Mercedes. Аня села на мягкое кожаное сиденье и почувствовала, как машина бесшумно выезжает на улицы Петербурга. За окном проплывали огни — город жил своей ночной жизнью, и Аня вдруг поняла, что совсем не помнит, когда в последний раз просто гуляла по нему. В её мире, в мире уборщицы, она всегда спешила. В этом мире она всегда была на виду.

— Ты сегодня какая-то задумчивая, — заметил Андрей, когда они остановились на светофоре. — Что-то случилось?

— Нет, — Аня покачала головой. — Просто... нервничаю. Издатели, Оксфорд, банкет. Это же не обычный вторник.

— Анна, — Андрей повернулся к ней, и его голос стал мягким, почти вкрадчивым. — Ты — лучший физик этого поколения. Ты — моя жена. И я никогда не позволю никому усомниться в тебе. Никогда. Ты поняла?

Он сказал это так убедительно, что Аня почти поверила. Почти.

Но где-то на задворках сознания засела мысль: «Если я такая лучшая, почему я не могу посмотреть твою почту, Андрей? Почему ты побледнел, когда я спросила про доступ?»

— Поняла, — ответила она и улыбнулась самой очаровательной улыбкой, которую только могла изобразить.

Банкет проходил в ресторане «Метрополь» — том самом, где подают императорские ужины и где цены такие, что хватает на месячную аренду квартиры. Аня когда-то проходила мимо него, работая уборщицей, и смотрела на нарядных людей с тоской.

Сейчас она была одной из них.

Когда они вошли, все взгляды обратились на неё. Точнее — на них. Андрей держал её под руку и чувствовал себя уверенно, как рыба в воде. Аня же чувствовала себя как рыба, которую только что выловили из воды и теперь показывают на ярмарке.

— Профессор Петрова-Воронова! — раздался громкий голос. К ним направлялся мужчина лет пятидесяти с пышной бородой и блестящей лысиной. — Какая честь! Я — Джонатан Смит, издательство «Quantum Press». Мы так долго ждали встречи с вами!

— Взаимно, — Аня пожала его руку, стараясь, чтобы её ладонь не дрожала. — Ваше издательство делает потрясающую работу.

— Это вы делаете потрясающую работу! — засмеялся Смит. — Книга будет бестселлером. Я уже вижу заголовки: «Женщина, которая переписала физику». Или, — он подмигнул, — «Женщина, которая доказала, что любовь существует».

Аня почувствовала, как у неё пересохло в горле.

— Про любовь? — переспросила она.

— Ну конечно! — Смит развёл руки. — Ваша теория когерентности сознания — это же по сути доказательство того, что чувства имеют физическую природу. Что мы можем любить на расстоянии. Что мы можем слышать друг друга, даже когда разделены тысячами километров. Это же революция! Люди устали от сухой науки. Они хотят романтики. А вы им даёте и то, и другое.

Аня перевела взгляд на Андрея. Он стоял рядом, улыбался и смотрел на неё с обожанием. Но в глазах его мелькнуло что-то странное. Ревность? Обида?

— Это была совместная работа, — сказал Андрей, перехватывая её руку и сжимая её чуть сильнее, чем было необходимо. — Я и Анна — мы команда. Без её гениального ума ничего бы не вышло.

— О, я знаю, знаю! — закивал Смит. — Мы обязательно укажем это в предисловии. Кстати, Анна, — он повернулся к ней, — я слышал, вы в молодости были в ЦЕРНе? Это правда, что вы работали над проектом Большого адронного коллайдера?

Аня замерла.

Она никогда не была в ЦЕРНе. В её реальности она была обычным аспирантом из Питера, который мечтал туда попасть, но не мог. У неё не было денег, не было связей, не было поддержки.

Но здесь, видимо, она была там.

— Да, — сказала она, глядя Смиту прямо в глаза. — Была.

Это был... незабываемый опыт. Особенно когда мы пытались поймать бозон Хиггса, а он всё время ускользал.

Смит рассмеялся, как будто она сказала что-то невероятно остроумное.

— О, да! Эти учёные — они вечно гоняются за невидимым. Но вы, Анна, вы поймали нечто большее! Вы поймали саму суть сознания. Это как поймать птицу счастья за хвост.

— Надеюсь, птица меня не клюнет, — усмехнулась Аня, и Смит засмеялся ещё громче.

Андрей стоял с каменным лицом. Аня заметила, как его пальцы сильнее сжали её руку, оставляя синяки.

— Анна, дорогая, — сказал он тихо, почти шепотом. — Давай я представлю тебя профессору Мюллеру из Оксфорда. Он ждёт встречи с тобой.

— Конечно, — она улыбнулась Смиту. — Мы ещё поговорим.

Когда они отошли, Андрей наклонился к ней и прошепел:

— Ты никогда не была в ЦЕРНе. Зачем ты солгала?

Аня замерла.

— Я... я думала, что была. В моей памяти есть эти воспоминания. Я помню, как ездила туда с тобой, помню этот запах... я не понимаю, почему этого не было на самом деле.

Андрей посмотрел на неё так, будто она только что призналась в убийстве.

— Анна, — сказал он очень медленно и очень спокойно.

— Мы никогда не были в ЦЕРНе. Может ты была там одна,

ещё до нашей свадьбы?

Она не помнила.

В её настоящей жизни — в той, где она была уборщицей — она никуда не ездила. Её теория была создана в маленькой коммунальной квартире, где постоянно пахло чужими котлетами, и где она записывала формулы на обоях, потому что не было денег на нормальную тетрадь.

— Извини, — прошептала она. — Я просто устала. Я перепутала.

— Перепутала, — повторил он. Голос его стал ледяным. — Анна, если ты хочешь быть моей женой и моим соавтором, пожалуйста, не путай свою жизнь. Ты гениальный физик. Ты — не та несчастная девчонка из квартиры с котлетами. Ты поняла?

Сердце Ани пропустило удар.

«Не та несчастная девчонка из квартиры с котлетами».

Откуда он знает про квартиру с котлетами? Откуда он знает, что именно это её настоящая жизнь? Он никогда не был в той квартире. В той реальности, где она уборщица, он был Нобелевским лауреатом, который даже не смотрел в её сторону.

— Откуда ты знаешь про котлеты? — спросила она. Голос её был тихим и чужим, как будто говорил кто-то другой.

Андрей побледнел.

— Анна...

— Откуда, Андрей?

Он молчал. Секунду. Две. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент к ним подошёл высокий седой мужчина с весёлыми глазами и бокалом шампанского в руке.

— Профессор Воронов! — воскликнул он. — А я думал, вы прячете свою жену от всех. Наконец-то я могу познакомиться с ней лично!

Андрей выдохнул с облегчением, как будто его только что спасли от утопления.

— Профессор Мюллер, — сказал он, и голос его вновь стал бархатным. — Анна, это тот самый человек, который сказал, что твоя теория — «самая смелая и прекрасная идея за последние полвека».

Аня посмотрела на Мюллера. Он был похож на доброго дедушку из рекламы страховой компании — такой же улыбчивый, такой же лёгкий.

— Правда? — спросила она. — Вы считаете мою теорию... смелой?

— Смелой, прекрасной и немного безумной, — Мюллер подмигнул. — В лучшем смысле этого слова. Знаете, Анна, я всю жизнь искал физику, которая выходит за рамки физики. Я искал то, что объясняет душу. А вы её нашли. Вы доказали, что душа — это волна. Как это гениально!

Аня почувствовала, как у неё защипало в глазах.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Это много для меня значит.

— Вы должны гордиться собой, — продолжил Мюллер.

— Вы — та женщина, которая изменит мир. И знаете, что мне нравится в вас больше всего? Вы не боитесь выглядеть глупо. Вы не боитесь задавать вопросы. Вы не боитесь быть собой.

Аня улыбнулась. Впервые за вечер — искренне.

— А вы не боитесь, что я спрошу у вас, зачем вы вообще приехали в Петербург? — сказала она игриво. — Неужели только ради меня?

Мюллер рассмеялся.

— О, Анна, — сказал он. — Я приехал в Петербург ради вас и ради вашей книги. Я хочу перевести её на немецкий. Я хочу, чтобы весь мир узнал о теории когерентности. И я хочу, чтобы вы приехали в Оксфорд прочитать лекцию.

Андрей, стоявший рядом, напрягся. Аня заметила это.

— Мы обсудим это, — сказал Андрей, вступая в разговор. — После выхода книги.

— Конечно, конечно, — Мюллер кивнул, но его взгляд был устремлён на Аню. — Я оставлю вам свою визитку, Анна. Свяжитесь со мной, когда будете готовы.

Он протянул ей карточку. Аня взяла её и убрала в маленькую сумочку-клатч, которая была при ней.

— Я свяжусь, — сказала она. — Обязательно.

Когда Мюллер отошёл, Андрей взял её за локоть и отвёл в сторону — в угол зала, где никого не было.

— Ты не поедешь одна в Оксфорд, — сказал он жёстко.

— Что? — Аня уставилась на него. — Андрей, это пре-

красная возможность. Он предлагает мне лекцию!

— Нет, — отрезал он. — Мы поедем вместе. Я представлю теорию. Ты будешь... ты будешь рядом. Как моя жена.

Аня почувствовала, как внутри неё закипает гнев.

— Как твоя жена? — переспросила она. — А как мой соавтор?

— Ты можешь быть моим соавтором, — Андрей сжал её руку так, что стало больно. — Но только в том случае, если ты будешь делать то, что я говорю. Поняла? Или станешь снова уборщицей!

Аня смотрела на него и видела, как его лицо меняется. Идеальная маска трескалась. За ней проступал тот самый Андрей — высокомерный, холодный, жестокий. Тот, который украл её теорию. Тот, который уничтожил её карьеру.

— Ты боишься, — сказала она тихо. — Ты боишься, что я скажу правду. Что я скажу всем, что это моя теория. Что ты — всего лишь вор.

Андрей отпустил её руку и отшатнулся, как от удара.

— Анна, — сказал он, и голос его дрогнул. — Ты не понимаешь...

— Что я не понимаю? — она шагнула к нему. — Что ты сделал со мной? Что ты забрал мою жизнь? Что ты превратил меня в декорацию?

Он молчал.

Она смотрела на него, и в её груди разгорался огонь. Тот самый огонь, который она чувствовала в баре. Тот самый

огонь, который переключил реальность.

— Я хочу знать правду, — сказала она. — Ты слышишь меня? Прямо сейчас.

В её голосе была такая сила, что Андрей отступил на шаг.

И в этот момент заиграла музыка. Танцы. Гости начали двигаться к центру зала, и кто-то схватил Аню за руку, увлекая в круговорот пар.

— Профессор Петрова! — раздался голос Смита. — Я требую, чтобы вы открыли бал своим танцем!

Аня не успела сопротивляться. Она оказалась в центре зала, и музыка, медленная, грустная, заиграла громче. Андрей стоял у стены, бледный, злой, сжав кулаки.

А она танцевала. С чужим мужчиной. И смотрела на мужа, который боялся её правды.

«Я узнаю всё, — подумала она. — Я узнаю, что ты скрываешь».

И в этот момент у неё в голове что-то щёлкнуло. Она почувствовала, как кольцо на её пальце начало нагреваться.

Время остановилось. Гости застыли, как на фотографии. Музыка превратилась в визг.

И мир снова дрогнул.

Глава 5

— У меня были планы на жизнь. И потом я встретила своего мужа в другой реальности. И поняла, что мои планы не идут ни в какое сравнение с вселенским юмором.

Аня открыла глаза и поняла, что сидит на полу в пустом зале.

«Метрополь» был пуст. Ни гостей, ни официантов, ни музыки. Только лёгкий ветерок сквозил из открытых окон, колыша белые скатерти на столах.

— Чёрт, — прошептала она. — Опять.

Она встала, опираясь на стену. Голова кружилась, во рту был металлический привкус. Она посмотрела на свою руку. Кольцо было на месте. Но оно было холодным. Слишком холодным, как будто его только что вытащили из морозилки.

— Надо возвращаться к дяде Вите, — сказала она вслух. — Он объяснит, что это было.

Она вышла из ресторана через чёрный ход, потому что входа в холле не было. Улица встретила её сырым питерским воздухом и крапывающим дождём. Она стояла в красном платье, которое стоило как год её зарплаты уборщицы, и чувствовала себя абсолютно нелепо.

— Отлично, — пробормотала она. — Я — женщина в вечернем платье, которая идёт через полгорода к старому чу-

даку-уборщику. Мой мир сошёл с ума.

Она поймала такси, водитель которого посмотрел на неё, как на привидение.

— Вы что, с похорон? — спросил он, косясь на её платье и растрёпанные волосы.

— Хуже, — сказала Аня, усаживаясь. — Я с банкета. Везите меня в Институт имени Иоффе, к чёрному входу.

Таксист хмыкнул, но поехал.

По дороге Аня смотрела в окно и думала. Она перебирала в голове каждое слово, каждый жест Андрея. Он знал про квартиру с котлетами. Он знал про её настоящую жизнь. Он знал, что она переключает реальности. Но откуда?

— Может, он не просто вор, — прошептала она. — Может, он создатель.

— Чего? — переспросил таксист.

— Ничего, — сказала Аня. — Просто разговариваю сама с собой. Это у меня профессиональное.

Когда она добралась до института, дождь усилился. Она выбежала из машины, бросив таксисту купюру, и помчалась к чёрному входу. Дверь была заперта, но Аня знала старый трюк — если дёрнуть ручку вверх и сильно надавить коленом, замок поддаётся. Она работала здесь уборщицей, и этот навык был единственным, чему она научилась за последние пять лет.

Она вбежала в здание, взлетела по лестнице на второй этаж и ворвалась в лаборантскую дяди Вити.

Старик сидел за столом, пил чай из старой кружки и читал газету. При виде Ани он не удивился.

— А, — сказал он, отрываясь от чтения. — Вернулась. И в таком наряде. Красиво. Только немного грязно сзади. Такси наверное, не помыли?

— Дядя Витя, — Аня опустилась на стул, вымотанная до предела. — Он знает. Андрей знает, что я не настоящая. Он сказал про квартиру с котлетами. Он знает, что я уборщица в этой реальности. Но я же профессор в той! Как такое возможно?

Дядя Витя отставил кружку и внимательно на неё посмотрел.

— А ты уверена, что ты — профессор в той реальности? — спросил он.

— Что? — Аня уставилась на него. — Я была на банкете. Я разговаривала с издателем. Я танцевала!

— Ты танцевала, — старик кивнул. — А где ты проснулась, когда пришла в себя?

Аня задумалась.

— В пустом зале, — ответила она. — Без людей. Без музыки. С открытыми окнами.

— Значит, ты не была в той реальности, — дядя Витя пожал плечами. — Ты была во сне. Или в проекции. Кто-то создал для тебя иллюзию, но он не может удерживать её долго. Поэтому ты всегда просыпаешься в пустоте. Потому что настоящая ты — здесь, в этой каморке, с грязными руками и

сломанными ногтями.

Аня замерла.

— То есть... вся эта жизнь — профессора, слава, любовь — это просто... иллюзия? Ловушка?

— Возможно, — дядя Витя встал и подошёл к осциллографу. — Смотри.

Он включил прибор. На экране снова появилась зелёная линия, которая танцевала и извивалась.

— Когда ты здесь, в базовой реальности, линия ровная, — сказал он. — Когда ты переключаешься, она раздваивается. Но каждый раз, когда ты возвращаешься, она становится чуть тоньше. Как будто ты теряешь свои частицы.

— Я теряю себя? — спросила Аня.

— Да, — он повернулся к ней. — Каждый раз, когда ты переключаешься в ту иллюзию, ты оставляешь там часть своего сознания. Рано или поздно ты не сможешь вернуться. Ты просто исчезнешь.

Аня смотрела на экран. Линия действительно была тоньше, чем в прошлый раз. Она почти угасала, как свеча на ветру.

— Что мне делать? — спросила она. — Как мне перестать переключаться?

— Ты должна найти точку сборки, — дядя Витя скрестил руки на груди. — Место, где все твои реальности сходятся в одну. Если ты найдёшь её, ты сможешь выбирать, в каком мире жить. И сможешь остаться в нём навсегда.

— Где искать эту точку?

— В самом главном воспоминании, — старик сел напротив. — Там, где всё началось. Вспомни момент, когда ты впервые поняла, что у тебя есть эта теория. Когда ты почувствовала, что она — твоя. Иди туда. И ты найдёшь ответ.

Аня закрыла глаза.

Она вспомнила ту ночь. Маленькая комната, запах чужой жареной рыбы, обои с пятнами. Она сидела на полу и писала формулы на клочках бумаги, потому что в комнате не было стола. Она писала, пока не заболела спина. Она писала, пока не закончились чернила. Она писала, потому что чувствовала — это самое важное, что она когда-либо сделает.

— Я помню, — сказала она, открывая глаза. — Это была моя старая квартира. Та, где мы жили с Андреем в начале.

— Туда и иди, — сказал дядя Витя. — Воспоминание — это твой якорь. Оно сильнее кольца. Потому что оно твоё. Никто не может его украсть.

Аня встала.

— Я вернусь, — сказала она.

— Я знаю, — улыбнулся старик. — И, Аня... не надейся, что там будет легко. Воспоминания часто ранят больше, чем реальность.

— Я справлюсь, — сказала она.

Она вышла из лаборантской и направилась к выходу. Дождь стих, и на небе появились звёзды.

Она остановилась у дверей и посмотрела на кольцо. Оно

холодное, почти ледяное. Она сжала его в кулаке и снова представила ту квартиру.

Маленькую, тёмную, с запахом котлет.

— Я иду, — прошептала она.

И мир снова дрогнул.

Глава 6

— Ностальгия — это болезнь, которая заставляет нас думать, что прошлое было лучше. Но прошлое — это просто ещё одна вселенная, в которую мы не можем вернуться. И слава богу.

Аня открыла глаза.

Она сидела на полу в комнате, которую помнила до мельчайших деталей.

Старый диван с продавленными пружинами, стол, на котором не было места для бумаг — только кружки с недопитым чаем, засохшие корочки хлеба. Обои в цветочек, которые отклеивались по углам. Запах рыбы, жареной вчера, сегодня и, скорее всего, завтра.

— Я дома, — сказала она вслух, и голос её дрогнул.

Это была их с Андреем первая квартира. Они снимали её после свадьбы, когда у них не было ни денег, ни связей, ни надежды на лучшее. Но тогда она была счастлива. Тогда она любила его.

— Это просто воспоминание, — сказала она себе. — Я здесь, чтобы найти точку сборки. Я здесь, чтобы понять.

Она встала и огляделась. Всё выглядело как в тот день. Даже почта лежала на столе: счета, рекламные листовки, письмо от мамы из Екатеринбурга. Аня взяла письмо. Конверт был мятым, с маркой, которую она помнила. Она открыла

его, но внутри было пусто.

— Странно, — прошептала она.

Она подошла к стене, где висела старая фотография — они с Андреем на фоне реки, оба молодые, глупые, счастливые. Аня взяла её в руки и почувствовала, как у неё защипало в глазах.

— Это же я, — сказала она. — Настоящая я.

Внезапно дверь в комнату открылась.

Аня обернулась.

На пороге стоял Андрей. Но не тот, которого она знала. Это был тот Андрей с которым она познакомилась — с взъерошенными волосами, в старой футболке и джинсах, с кругами под глазами от бессонницы. Он держал в руках пачку сигарет и улыбался.

— Ань, ты чего сидишь в темноте? — спросил он. — Я купил пиво. Будем праздновать?

— Праздновать что? — спросила она, хотя знала ответ.

— Твою статью, — он засмеялся. — Ты что, забыла? Её приняли в журнал. Ты станешь знаменитой!

Аня посмотрела на него и вдруг поняла, что это не воспоминание. Это реальность. Но не та, где она профессор, и не та, где она уборщица. Это третий слой. Там, где всё началось.

— Андрей, — сказала она, подходя к нему. — Что случилось потом? После того, как мою статью приняли?

Он нахмурился.

— Ты о чём?

— Ты украл мою статью? — спросила она прямо. — Ты сказал, что это твоя работа? Ты меня предал?

Андрей замер. Сигареты выпали из его рук.

— Аня, — сказал он, и голос его стал странным, как будто он говорил не с ней, а с кем-то другим. — Аня, ты не должна была вернуться сюда. Ты не должна была помнить.

— Кто ты? — спросила она, отступая на шаг. — Ты не мой Андрей. Мой Андрей был... нормальным. А ты — маска.

Молодой Андрей засмеялся. Но смех был чужим. Слишком громким, слишком театральным.

— Ты умная, — сказал он. — Очень умная. Но слишком любопытная. Ты ищешь точку сборки, да? Но ты не найдёшь её.

— Почему?

Он шагнул к ней. Его лицо начало меняться — появлялись морщины. Глаза становились холодными и пустыми. Теперь перед ней стоял тот самый Андрей, которого она ненавидела. Тот, который украл её теорию.

— Потому что точка сборки — это я, — сказал он. — Я создал эту игру. Я создал все твои реальности. Ты никогда не была никем, кроме игрушки в моих руках.

Аня замерла.

— Ты... ты создал вселенную?

— Нет, — он усмехнулся. — Но я создал твоё сознание. Я — тот, кто управляет твоими переключениями. Ты думаешь, это магия? Нет. Это эксперимент. Мой эксперимент.

Аня почувствовала, как у неё подкашиваются ноги.

— Зачем? — прошептала она. — Зачем ты это делаешь?

— Зачем? — он наклонился к ней, и в его глазах загорелась жестокость. — Потому что я могу. Потому что ты слишком много думала о себе. Ты думала, что ты гений. А ты всего лишь — лабораторная мышь. И я — твой хозяин.

Аня сжала кулаки.

Её кольцо внезапно стало обжигающе горячим. Она посмотрела на него и увидела, как оно плавится прямо на её пальце, превращаясь в чёрный обугленный комок.

— Нет, — сказала она. — Ты не мой хозяин. Ты — вор. И ты ничего не создал. Ты украл.

Она шагнула к нему, и он отступил.

— Ты думаешь, это я — лабораторная мышь? — сказала она. — Нет, Андрей. Это ты — заперт в своей собственной тюрьме. Ты не можешь создавать реальности. Ты можешь только красть их у других. Ты — паразит. И я — твой убийца.

Она протянула руку и дотронулась до его лица.

И в этот момент мир взорвался светом.

Когда Аня открыла глаза, она снова сидела в лаборантской дяди Вити.

Старик стоял у осциллографа и смотрел на неё с улыбкой.

— Ты сделала это, — сказал он. — Ты разрушила его контроль.

— Я... я убила его? — спросила Аня.

— Нет, — старик покачал головой. — Ты просто разорвала связь. Он больше не может управлять тобой. Ты свободна.

Аня посмотрела на свою руку. Кольцо исчезло. На его месте была тонкая бледная линия — шрам.

— Я свободна, — повторила она. И улыбнулась впервые за всё время. — Я свободна.

Она встала, подошла к окну и посмотрела на звезды, которые сияли над Петербургом.

— Но что теперь? — спросила она. — Где точка сборки?

Дядя Витя подошёл и положил руку ей на плечо.

— Ты уже её нашла, — сказал он. — Точка сборки — это ты. Твоя воля, твой выбор. Ты не нуждаешься в кольце. Ты не нуждаешься в других мирах. Ты можешь выбрать свою реальность сама. Здесь и сейчас.

Аня повернулась к нему и улыбнулась.

— Тогда я выбираю, — сказала она. — Я выбираю быть собой.

Глава 7

— Свобода — это когда просыпаешься утром и не знаешь, что будет сегодня. И это одновременно страшно и прекрасно. Как первый полёт без страховки. Аня проснулась на жёстком матрасе в своей старой квартире. Нет, не в той, где пахло котлетами. В той, которую она снимала после развода. Маленькая студия на окраине Питера, где всё помещалось в одной комнате: кровать, стол, плита и вечные книги, громоздящиеся в углу. Она села, потёрла глаза и уставилась на свои руки. Чистые. Без мозолей. Без грязи. — Я вернулась, — прошептала она. — Я настоящая. Она встала и подошла к зеркалу, висевшему на стене. Из отражения на неё смотрела женщина с уставшим лицом, мешками под глазами и растрёпанными волосами. Но в глазах её горел огонь. Тот самый огонь, который она чувствовала, когда разрушила контроль Андрея. — Я свободна, — сказала она вслух. — Я реально свободна. Она засмеялась. Смех вырвался из неё внезапно, громко, почти истерично. Она смеялась до слёз, пока не начала кашлять. — Чёрт, — сказала она, утирая слёзы. — Надо завтракать. Она подошла к холодильнику и открыла его. Там было пусто. Только старая бутылка кефира с истёкшим сроком годности и половинка лимона, покрытая плесенью. — Отлично, — пробормотала она. — Свобода — это голод. Великолепно. Она оделась в свои

старые джинсы, свитер с катышками и вышла на улицу. Питер встретил её холодным ветром и мелкой моросью. Но она вдруг почувствовала, что дышит полной грудью. Впервые за долгое время. Настоящий воздух, настоящий дождь, настоящая жизнь. Она зашла в дешёвую столовую на углу, купила чай с бутербродом и села у окна, глядя на прохожих. Люди спешили по своим делам, кто-то смеялся, кто-то ругался по телефону. Обычная жизнь. Она чувствовала себя частью этого мира.— Простите, — раздался голос над ухом. — Это место свободно? Аня подняла голову. Перед ней стоял мужчина. Очень высокий, с тёмными волосами, которые слегка вились от влажности, и зелёными глазами, которые смотрели на неё с любопытством. Он был невероятно красив. Не как Андрей — холодной, пластиковой красотой. А живой, тёплой, настоящей. У него были лёгкие морщинки вокруг глаз, как у человека, который много смеётся.— Да, свободно, — сказала Аня хрипло. Он улыбнулся и сел напротив. От него пахло кофе и чем-то древесным, тёплым.— Я вас отвлекаю? — спросил он, ставя на стол свою чашку. — Вы выглядели такой задумчивой. Как будто решали уравнение со многими неизвестными.— Примерно так, — усмехнулась Аня. — Только неизвестных больше, чем переменных.— О, — он засмеялся. — Тогда я не буду мешать. Но позвольте угостить вас пирожным. У них здесь, кстати, отличные корзиночки с кремом. Смотрю на них каждый день, но решаюсь купить только раз в неделю. Диета, знаете ли.— Вы здесь ча-

сто бываете? — спросила Аня. — Каждый день, — он пожал плечами. — Я работаю в соседнем здании. Преподаю историю в университете. Скучно, наверное? Но я люблю истории. Особенно те, которые прячутся в мелочах. Аня вдруг поняла, что смотрит на него и не может отвести взгляд. Он был таким живым. Таким настоящим. Она почувствовала, как в груди разливается тепло. — Анна, — сказала она, протягивая руку. — Илья, — он пожал её ладонь. Его пальцы были тёплыми и немного шершавыми. — Очень приятно. У вас красивое имя. Сильное. — Сильное? — Ну да, — он улыбнулся. — Анна — это милость. Но вы выглядите как человек, который привык бороться. Милость, которая закалена в бою. Аня смутилась. Она опустила глаза и уставилась в чашку. — Вы всегда так легко находите слова к незнакомым людям? — спросила она. — Нет, — сказал он честно. — Только к тем, кто выглядит потерянным. А вы выглядите так, будто не знаете, куда идти. И я подумал: может, я могу помочь? Если, конечно, вы не против. Аня посмотрела на него. И вдруг поняла, что готова рассказать ему всё. Абсолютно всё. О реальностях, об Андрее, о переключениях, о дяде Вите и осциллографе. Но она сдержалась. Слишком безумно. Слишком страшно. — Я просто переживаю трудный период, — сказала она. — Сложный развод. И много работы. — Учёной? — спросил Илья. — У вас руки. Не модельные. Учёные. Или художницы. Но я думаю, учёной. Физик, да? Аня удивилась. — А вы откуда? — История, — он засмеялся. —

Я умею читать людей. Это моя работа. Но я могу ошибаться. Если вы официантка или стюардесса, я буду выглядеть глупо.— Физик, — подтвердила Аня. — Теоретическая физика. Когерентность сознания.Илья уставился на неё.— Когерентность сознания? — переспросил он. — Это же та теория, которую недавно о которой я читал в журнале. Профессор Воронов опубликовал её.Аня почувствовала, как в груди закипает злость.— Да, — сказала она. — Профессор Воронов. Мой бывший муж.Илья смотрел на неё секунду. Две. Потом его лицо озарилось пониманием.— Он украл её у вас, — сказал он. Не спросил, а утвердил.— Откуда вы знаете? — прошептала Аня.— У вас глаза, — сказал Илья. — В них гнев. И боль. Я видел такое только у людей, у которых отняли самое важное.Аня не выдержала. Она почувствовала, как слёзы начинают катиться по щекам.— Извините, — сказала она, вставая. — Мне нужно идти.Она выбежала из столовой и вылетела на улицу. Дождь усилился, и вскоре она уже стояла под ним, промокая насквозь. Но она не чувствовала холода. Она чувствовала только пустоту.— Анна! — раздался голос сзади.Она обернулась. Илья бежал к ней, прикрывая голову папкой.— Вы забыли сумку, — сказал он, протягивая её. — И зонт. А вообще это глупо — стоять под дождём и плакать. Позвольте, я вас провожу.— Зачем? — спросила Аня. — Вы меня не знаете.— Я хочу узнать, — сказал он просто. — Вы мне кажетесь удивительной. И я хочу быть частью вашей истории.Аня смотрела на него. На его мокрые волосы, на его

зелёные глаза, которые смотрели на неё с такой теплотой, что у неё защемило сердце.— Хорошо, — сказала она. — Проводите. И с этого момента день будто перестал быть просто днём — он стал историей, которую они писали вдвоём. Сначала они шли молча, только ветер свистел между домами, а капли барабанили по зонту, который Илья решительно раскрыл над ними. Аня всё ещё дрожала, но уже не от слёз — от того, как странно и неожиданно спокойно становилось рядом с этим человеком.— Знаете, что я больше всего люблю в Петербурге? — вдруг спросил Илья, когда они свернули с главной улицы в узкий переулок, где старые фасады смотрели друг на друга, словно старые знакомые. — Что он не даёт притворяться. Здесь даже дождь звучит честно. Аня слабо улыбнулась.— Честно Да. Мне сейчас как раз нужна честность. Они зашли в крошечную кофейню, пропахшую корицей и старым деревом. Илья заказал два капучино и тарелку с горячими круассанами.— Это не диета, — подмигнул он. — Это экстренная мера. Нельзя думать о важном на голодный желудок. За чашкой кофе Аня рассказала ему немного — совсем чуть-чуть — о том, как долго она жила в тени чужого успеха, как училась не замечать, как её идеи становились «общими», а потом и вовсе — чужими. Илья не перебивал. Он слушал, чуть наклонив голову, и в его взгляде не было ни жалости, ни осуждения — только внимание, такое редкое и такое нужное. Потом они снова вышли под дождь, но теперь он уже не казался враждебным. Они бродили по дворам-ко-

людцам, заглядывали в арки, где эхо шагов звучало как чужой разговор, и смеялись над тем, как нелепо выглядят, пытаясь спрятаться от ливня под одним зонтом. Илья рассказывал ей истории — не из учебников, а из жизни города: как в этом доме жил поэт, который боялся писать при свете, а в том — старая аптека, где, по легенде, до сих пор хранится рецепт счастья. Аня слушала и чувствовала, как внутри что-то медленно оттаивает. Ближе к вечеру дождь стих, оставив после себя влажный блеск на брусчатке и прозрачное, почти хрустальное небо. Они дошли до набережной, где ветер гулял свободно, а вода казалась чёрной и бесконечной. — Иногда мне кажется, что Питер — это город, который помнит всё, — тихо сказал Илья, глядя вдаль. — Даже то, что мы сами стараемся забыть. — А если не хочется забывать? — спросила Аня. — Если хочется просто перестать чувствовать эту тяжесть? — Тогда нужно найти что-то, что перевесит её, — ответил он, не глядя на неё, будто говорил скорее себе. — Не стереть прошлое, а добавить к нему что-то новое. Что-то своё. Они гуляли до поздней ночи. Город постепенно зажигался огнями, витрины подмигивали, а улицы становились тише, будто готовились ко сну. Они зашли в маленький книжный магазин, где пахло бумагой и чаем, и Аня долго листала потрепанный сборник стихов, пока Илья стоял рядом, не мешая, просто будучи рядом. В какой-то момент она подняла на него глаза и вдруг поняла, что уже не чувствует себя потерянной. Рядом с ним потерянность казалась чем-то далёким,

почти нереальным. Когда они остановились у её дома, Аня вдруг испугалась, что этот день закончится, и всё вернётся на круги своя. — Знаете, — сказала она, когда они остановились под тусклым фонарём, отбрасывавшим круг света на мокрый асфальт. — Я думала, что больше никогда не смогу доверять людям. Мой бывший муж он убил во мне веру. — А сейчас? — спросил Илья, глядя на неё. — Сейчас я думаю, что, возможно, я ошибалась, — сказала Аня. Она посмотрела на него. Он стоял близко. Так близко, что она чувствовала его дыхание, видела, как капли дождя, высохшие ещё днём, оставили на его ресницах крошечные блёстки, и как в его глазах отражается свет фонаря. — Можно? — спросил он. Аня кивнула. Он наклонился и поцеловал её. Это был лёгкий, осторожный поцелуй, как вопрос. Но в нём было столько нежности, столько тепла, что Аня почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она ответила на поцелуй, положив руки ему на плечи, и почувствовала, как его пальцы скользят по её спине, притягивая ближе. — Прости, — прошептал он, отрываясь. — Я хотел сказать я не должен был. Ты такая такая хрупкая сейчас. — Я не хрупкая, — сказала Аня. — Я сильная. Но я хочу почувствовать себя живой. Она снова поцеловала его. Теперь уже не осторожно. Теперь она вложила в этот поцелуй всю свою боль, всю свою злость, всю свою тоску по настоящему. Он ответил, прижав её к себе, и она почувствовала, как от него исходит тепло. Настоящее, живое тепло. — Илья, — сказала она, отрываясь. — Я хочу тебя. Но

я боюсь.— Чего? — прошептал он.— Что это сон. Что я снова проснулся в другой реальности. Что ты исчезнешь. Он взял её лицо в ладони и посмотрел прямо в глаза.— Я не исчезну, Анна. Я здесь. Настоящий. Ты можешь потрогать меня, убедиться. Она положила руку ему на грудь. Сердце билось ровно, сильно. Настоящее.— Ты настоящий, — прошептала она.— Настоящий, — подтвердил он. Она взяла его за руку и повела в свою квартиру. Когда дверь за ними закрылась, они остановились в коридоре. Маленьком, тёмном, где пахло старой мебелью и пылью.— Здесь очень по-домашнему, — сказал Илья, оглядываясь.— Да. Маленько и бедно. Но это моё. Впервые моё. Он подошёл к ней и обнял, прижимая к себе. Его руки были сильными, уверенными. Она чувствовала, как его дыхание касается её шеи, как его пальцы скользят по её спине.— Я хочу, чтобы ты знала, — сказал он. — Я не просто хочу тебя. Я хочу узнать тебя. Всю. Со всеми твоими секретами. Даже самыми страшными.— Ты готов к ним? — спросила она.— Я готов ко всему, что ты мне расскажешь. Аня подняла голову и посмотрела на него. В его зелёных глазах горел огонь. Но не тот, который она видела у Андрея. Не огонь контроля и собственничества. Огонь любопытства, тепла, желания. Она потянулась к нему и поцеловала. Долго, глубоко, так, чтобы он почувствовал, как она дрожит. Илья ответил. Его руки скользнули под её мокрый свитер, пальцы коснулись кожи, и Аня вздрогнула от этого прикосновения. Такого нежного, такого тёплого.— Ты дрожишь, — прошеп-

тал он.— От холода, — сказала она.— Тогда давай тебя согреем. Он снял с неё мокрый свитер и футболку, оставляя только бельё. Аня почувствовала его взгляд на своей груди, и ей стало одновременно и стыдно, и приятно — как будто она впервые позволила себе быть увиденной не как функция, не как инструмент, а как женщина.— Ты красивая, — сказал он.— Не говори так. Я не привыкла.— Тогда привыкай, — он улыбнулся и поцеловал её в плечо, в шею, ключицу. Каждое прикосновение его губ было как тихий разговор, как обещание: «Я здесь. Я вижу тебя. Ты важна». Аня застонала, откидывая голову назад. Его губы были горячими, и каждое прикосновение отзывалось в ней дрожью, которая шла откуда-то из самой глубины, из тех мест, что давно замерли и перестали чувствовать. Илья подхватил её на руки, удивительно легко, и понёс в комнату. Она обхватила его за шею, прижалась лбом к его плечу, вдыхая запах дождя, кофе и чего-то ещё — его, настоящего, живого. Она лежала на кровати, а он нависал над ней, смотрел в глаза, и в этом взгляде было столько нежности, что у Ани защемило сердце.— Я никогда не чувствовала себя желанной, — призналась она. — Только нужной. Для него я была инструментом.— Ты не инструмент, — сказал он, проводя пальцами по её щеке, словно запоминая линии её лица. — Ты — человек. Живой, красивый, умный. И ты заслуживаешь того, чтобы тебя любили. Он поцеловал её снова, и она почувствовала, как его руки скользят по её телу, гладят, ласкают, заставляя забыть обо

всём. Его прикосновения были уверенными, но осторожными, будто он боялся спугнуть её, как редкую птицу.— Илья, — прошептала она. — Я хочу тебя. Прямо сейчас.— Я весь твой, — сказал он. Их движения сливались в единый ритм, в котором не было спешки, только глубокое, почти болезненное желание стать ближе, стереть границы между «я» и «ты». Аня чувствовала, как под его ладонями оживает её кожа, как возвращается ощущение собственного тела — не как чего-то чужого, не как инструмента, а как дома, который наконец-то обрёл хозяина. Его дыхание становилось тяжелее, но он всё равно находил время остановиться, посмотреть ей в глаза, спросить без слов: «Ты со мной? Тебе хорошо?» И она кивала, притягивая его ближе, показывая, что да, она здесь, она настоящая, она живая. Позже, когда всё стихло, они лежали в темноте, и Аня чувствовала, как он дышит рядом с ней. Тихо, ровно. Её голова лежала у него на груди, и она слышала биение его сердца.— Это было невероятно, — сказала она. — Это было только начало, — он поцеловал её в макушку. — У нас будет много таких ночей.— Ты уверен? — спросила она. — Ты не боишься, что я сумасшедшая?— Я сам сумасшедший, — засмеялся он. — И мне кажется, что это всё неспроста. Я искал тебя.— Что? — Аня приподнялась на локте. — Что ты имеешь в виду?— Я много лет ждал женщину, — сказал он. — Которая будет смотреть на мир так же, как я. Которая будет видеть больше, чем другие. И когда я увидел тебя в столовой, я понял. Это она. Аня смотрела

на него и не знала, что сказать. И вдруг она почувствовала это. Привычный, тянущий зов. Тот самый, который всегда предшествовал переключению. — Нет, — прошептала она. — Только не сейчас. — Что? — Илья посмотрел на неё с беспокойством. — Анна, что случилось? — Я — она почувствовала, как мир начинает дрожать. — Мне нужно Она не успела договорить. Мир вокруг неё исчез.

Глава 8

— Самое смешное в путешествиях между мирами — это когда ты просыпаешься в чужом теле и понимаешь, что у тебя теперь есть собака, которую ты ненавидишь, и работа, которую ты не помнишь, как получила.

Аня открыла глаза.

Она лежала на огромной кровати, укрытая атласным одеялом. Вокруг была комната, похожая на музей: старинная мебель, картины в золотых рамах, огромное зеркало в резной оправе.

— Где я? — прошептала она.

Она села и посмотрела на свои руки. Идеальный маникюр, дорогие кольца. На ней была шёлковая сорочка, которая стоила больше, чем месячная аренда её квартиры.

— Опять? — сказала она с отчаянием. — Я же разорвала связь! Как я снова переключилась?

Она встала и подошла к зеркалу. На неё смотрела другая женщина. Не профессор, не уборщица. Высокая, стройная, с роскошными волосами и идеальной кожей. Она выглядела как светская львица, которая никогда не работала.

— Кто я? — спросила она у своего отражения.

Ответа не было.

Она оглядела комнату. На столике лежал мобильный те-

лефон — последняя модель. Аня взяла его и открыла список контактов. Там было много имён: «Муж», «Водитель», «Массажист», «Дизайнер». Всё выглядело как у человека, у которого слишком много денег и слишком мало времени.

Она нажала на «Муж» и поднесла трубку к уху.

— Анна! — раздался знакомый голос. — Ты где? Ты пропустила завтрак. Я волнуюсь.

Аня замерла. Это был голос Андрея. Но не тот, которого она боялась. Спокойный, ровный, почти скупающий.

— Я... я проспала, — сказала она. — Где мы?

— В загородном доме, любимая. Ты что, шутишь? Мы приехали вчера. Ты сказала, что устала от города. Я взял отпуск на неделю. Ты меня просила.

Аня почувствовала, как у неё подкашиваются ноги.

— Андрей... скажи, я какая-то странная?

— Ты всегда странная, — засмеялся он. — Но я тебя люблю. Спускайся, завтрак готов. Сегодня такая погода, что мы можем посидеть на террасе.

Он отключился.

Аня опустилась на кровать и уставилась в потолок.

— Как это возможно? — прошептала она. — Я разрушила его контроль. Я разорвала кольцо. Почему я снова здесь?

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить, как переключилась. Она была с Ильёй. Они лежали в постели. Он сказал, что ждал её. А потом... потом она почувствовала знакомую дрожь.

— Эмоциональный резонанс, — поняла она. — Я влюбилась. И это создало новый слой.

Она засмеялась. Горько и истерично.

— Я люблю его, и поэтому я оказалась в этом мире. В мире, где я — богатая жена Андрея. Где я — всё та же декорация. Но почему?

Она встала и начала ходить по комнате, разглядывая вещи. Фотографии на стенах: она и Андрей на яхте, она и Андрей в Париже, она и Андрей на каком-то приёме с королевскими особами. На всех фотографиях она улыбалась, но глаза её были пустыми.

— Я здесь несчастна, — поняла она. — Но я не помню этого. Я как робот. Я выполняю функции.

Она вышла из комнаты и спустилась вниз. Дом был огромным. Лестница вела в гостиную, где за массивным столом сидел Андрей. Он читал газету и пил кофе.

— Доброе утро, спящая красавица, — он улыбнулся ей, но улыбка была странной. Как будто он проверял, на месте ли она.

— Доброе, — Аня села напротив. — Андрей, я хочу задать тебе вопрос.

— Давай, — он отложил газету.

— Ты знаешь, что я — не настоящая? — спросила она прямо. — Ты знаешь, что я переключаюсь между реальностями? Что ты создал эту ловушку?

Андрей замер. Его лицо изменилось. Маска вежливости

соскользнула, и под ней появилась усталость.

— Ты всё помнишь, — сказал он. — Чёрт. Я думал, что стёр это.

— Что? — Аня уставилась на него. — Ты стёр мою память?

— Я пытался, — он вздохнул. — В каждой реальности я пытался сделать тебя послушной. Но ты всегда прорывалась. Твоё сознание сильнее, чем я думал.

— Тогда зачем ты это делаешь? — прошептала Аня. — Зачем ты создаёшь эти миры?

Андрей посмотрел на неё. В его глазах мелькнула настоящая боль.

— Потому что я люблю тебя, — сказал он. — Но я не умею любить иначе. Я всегда контролировал тебя. Я боялся, что ты уйдёшь. Что ты оставишь меня. И я создал эти миры, чтобы удержать тебя.

Аня почувствовала, как у неё сжимается сердце.

— Андрей, — сказала она. — Это не любовь. Это одержимость.

— Может быть, — он опустил голову. — Но я не могу тебя отпустить. Ты — всё, что у меня есть.

Аня встала.

— Я ухожу, — сказала она. — Я выбираю свою реальность. И я выбираю Илью.

— Илью? — Андрей поднял голову. — Ты встретила его? В той реальности?

— Да, — Аня улыбнулась. — И он настоящий. Он не пытается меня контролировать. Он любит меня такой, какая я есть.

Андрей побледнел.

— Тогда ты должна знать, — сказал он. — Ты не можешь остаться с ним. Потому что в той реальности... он не существует.

— Что? — Аня замерла. — Ты лжёшь.

— Я не лгу, — он встал и подошёл к ней. — Илья — это я. Моя проекция. Я создал его в той реальности, чтобы удерживать тебя. Потому что я знал: если ты встретишь кого-то, кто будет тебе близок, ты останешься там.

Аня смотрела на него и чувствовала, как мир рушится вокруг.

— Это неправда, — прошептала она.

— Правда, — сказал он. — Я не хотел, чтобы ты страдала. Я хотел, чтобы ты была счастлива. Даже если это счастье создано искусственно.

Аня выбежала из дома.

Она бежала по мокрой траве, не разбирая дороги, пока не упала на колени. Дождь лил на неё, но она не чувствовала холода. Она чувствовала только боль.

— Илья, — прошептала она. — Ты был фальшивкой?

Но внутри неё что-то сопротивлялось этому знанию. Воспоминания о его руках, о его поцелуях, о его словах были слишком настоящими.

— Ты просто хочешь, чтобы я вернулась к тебе, — сказала она вслух, обращаясь к Андрею. — Ты врёшь.

Она закрыла глаза и представила себе Илью. Его улыбку. Его зелёные глаза. Его руки.

— Я верю тебе, — прошептала она. — Ты настоящий.
Мир вокруг неё дрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.